

ПРИЗНАТЬСЯ В СОБСТВЕННЫХ СОМНЕНИЯХ

— Признаться, не предполагал, что будет так сложно заставить Подниекса дома, и ловить его придется в Москве...

— Ничего удивительного. За последние семь месяцев я был в Риге недели три. С семьей общаюсь по телефону. Снимали в Ярославле, на моторном заводе, где у рабочих вышел конфликт с администрацией, в Киришах, под Ленинградом, в Ереване.

— Нашупываете болевые точки?

— Не я. Их нашупывает время. Я просто стремлюсь стать свидетелем происходящих событий. Заденет за душу — статья в газете, какой-нибудь факт — и я пытаюсь сразу «выскочить» на него. Не всегда это бывает просто. Однажды на меня сразу три бумаги в Москву пришло из различных регионов страны. Дескать, Подниекс снимает «негатив». Но как же мы разберемся в своих проблемах, если будем закрывать на них глаза? Не захотим видеть и знать, чем живут, что чувствуют обычные люди?

Разобраться во всем можно и позднее, осмыслить без спешки и суеты, но снимать надо сейчас, сегодня. Иначе какое же это документальное кино?

В Ереване простая женщина, гардеробщица, такие потрясающие вещи мне говорила, плакать хотелось. А у меня, как назло, не оказалось с собой кинокамеры...

— Вы не боитесь упреков в стремлении к сенсационности?

— Я не торговец сенсациями. Моя задача — показать ситуацию, чтобы зрители задумались над ней.

Я и не захотел снимать эту картину в Латвии, хотя в

— Я не оракул — самый обычный человек. И мне надо набрать камней, чтобы их разбрасывать. Сейчас набираю...

Так завершилась наша беседа с Юрисом ПОДНИЕКСОМ на XV Московском международном

этом случае она, вероятно, получилась бы глубже — боялся, что от нее отмахнутся. Дескать, это проблемы Прибалтики, пусть сами и разбираются. А то, чего доброго, и в национализме могли обвинить.

Поразительная вещь — сейчас никто не желает снимать ленты о национальном вопросе. Вроде такого и в природе нет.

— Вы были в Армении в связи с событиями в Нагорном Карабахе?

— Нет. Первоначально я думал собрать материал по экологическим проблемам и рассказать о бывшем первом секретаре ЦК комсомола, а затем заместителе заведующего отделом ЦК Компартии республики Котанджяне, который, став первым секретарем одного из райкомов, активно повел борьбу с теневой экономикой и функционерами от власти. Но потом выяснилось, что в его районе оказались беженцы из Сумгаита, и все эти проблемы сами собой завязались в один прочный узел.

— Видимо, существовала авторская сверхзадача?

— Я хочу показать людям в зрительном зале, что сегодня можно жить стоя, можно

бороться за свои убеждения.

И сейчас случается, что прав не тот, кто прав, а тот, кто сидит выше. Но уже появились люди, которые поверили времени и Горбачеву. Поверили в то, что они — не винтики в механизме, который заводят сверху.

Скептики говорят, что это не первая «весна» в государстве. Что были уже оттепели, и все они кончались ничем.

Но в отличие от прошлых лет сегодня «тепло» достигло корней. Просыпается не только интеллигенция или технократия — просыпается народ. Я разговаривал с рабочими на Ярославском моторном заводе. Это уже не те люди, которым несколько лет назад все было «до лампочки», а главной заботой было успеть в гастроном. Сейчас они говорят от своего имени. И характерно, что администрация их понимает. Другое дело, что она не всегда может сделать, что хочет...

— То есть сейчас идет процесс реабилитации понятия «личность»?

— В какой-то степени. Собственно личности были у нас и в период застоя, хотя многое делалось для того, чтобы

кинофестивале, где он был в составе советской делегации.

И вот новая встреча с режиссером во время его короткой остановки в столице на пути из Риги в Лондон, где он завершает свой новый фильм.

истребить в людях неординарность, начиная с детского сада. Тем не менее, личности сохранились и доказали, что им под силу многое из того, чего не могут массы. Потому что масса сильна, только если она состоит из личностей. А иначе это — стадо овец, которым легко управлять, но которое в любой момент может свалиться в пропасть.

У нас слишком долгое время отсутствовало альтернативное мышление. Право на жизнь имели только «узаконенные» идеи. Другие же попросту отвергались. Мы жили, как в коконе, ограничивающем в движении душу и мысли. Поэтому основная задача сейчас — выбраться из него.

— Боюсь, те, кто ткал кокон, будут от этого не в восторге.

— Это и есть вторая большая проблема, которую я хочу затронуть в фильме. Мне хотелось бы сорвать в нем маски с тех, кто, не отвечая ни за что и ничего не производя, получал больше других жизненных благ и кого могли вполне заменить несколько современных компьютеров.

Я считаю, что мы отстали от Запада в развитии ком-

пьютерной техники не потому, что отсутствовали идеи или материальная база, а потому, что кому-то очень не хотелось ее внедрять. Компьютеры высветили бы абсолютную бесполезность этих людей для общества, а кому хочется быть ненужным?

Беда в том, что мы слишком долго снисходительно относились к бюрократам и функционерам, «щекотали» их в юморесках и КВН. А они смеялись вместе с нами и над нами. Но когда действительно задел статус этих людей, а их в нашей стране около 18 миллионов, они стали яростно защищать свои позиции.

— Ваш предыдущий фильм — это, безусловно, удар по функционерам, но, очевидно, чтобы добиться успеха, таких ударов должно быть намного больше?

— Поэтому я и стараюсь не пропустить каждый конкретный факт, когда люди вступают в борьбу с рутинной и косностью. Это требует сил и мужества.

Главврач в Киришах, который вытаскивал на свет данные о загрязнении атмосферы в городке, говорил мне: «Чувствую, что меня скоро уберут с работы». И не ошибся, по-

тому что он мешал кому-то наверху продолжать выпекать диссертации на белке, создавать «вечный хлеб». А то, что в результате этой «науки» люди задыхались и дети болели, их трогало мало. Тем не менее врач решился на этот шаг — не смог промолчать.

— Мы снова возвращаемся к проблеме личности и ее ответственности перед обществом...

— А как иначе? Любая ломка старого и отжившего всегда начиналась с человека, который поступил «нелогично», пошел на глухую стену. За годы застоя у нас скопился огромный энергетический потенциал, которому прежде не давали выхода, искусственно сдерживали. Я уверен, задействуя мы его сейчас — сразу же вырвемся вперед в отношениях с Западом. Мне кажется, там это понимают. Недаром японцы предлагали нам огромные деньги за мусорную корзину.

— Вы имеете в виду только неиспользованные идеи или духовный потенциал?

— И то, и другое. Только не следует все упрощать и сводить к благотворительности, которая сейчас у нас достаточно популярна. Конечно, благотворительность — вещь сама по себе хорошая. Но нельзя все сводить только к ней, иначе возникнет опасность откупиться, внести рубль, двадцать или пятьсот и считать свою миссию выполненной.

Главное сейчас — обрести веру. И если мы этого добьемся, то сможем шагнуть далеко вперед. Впрочем, что если, пробив с трудом одну стену, мы окажемся в другой камере? Сейчас, например, мы уверены, что если обеспе-

чим каждую семью отдельной квартирой, то решим проблему. Но ведь никто не может предсказать, как мы будем потом чувствовать себя в бетонных и каменных лабиринтах. Не сойдем ли мы в них с ума?

— Где же выход?

— Честно говоря, не знаю. И не уверен, что кто-нибудь знает. Недаром Чингиз Айтматов сказал, что самым величайшим достижением станет открытие принципиально новой идеи. А кино и не должно давать готовые рецепты. Наша задача — собрать и выстроить материал, чтобы показать и возвеличить прекрасное или дать людям почувствовать опасность. А если бы я знал решение, мне надо было бы работать в другом месте.

— Мне кажется, вы-то уж в кино — на своем месте.

— Наверное. Во всяком случае для меня лучшим подарком была бы возможность снимать этот фильм без конца. Но поскольку так не бывает, завершить его все же придется. И уже довольно скоро.

— Судя по всему, он должен иметь резонанс не меньший, чем «Легко ли быть молодым?»

— Я — обычный человек и надеюсь, что людей в зрительном зале взволнуют те вопросы, что волновали меня. Я хочу, чтобы фильм этот был предельно открытым и откровенным. Хочу признаться в собственных сомнениях и надеждах. Будет ли интересно это другим? Поживем — увидим.

Интервью вел В. МУХИН.